Что же, как в Художественный театр? После постановки «Гера» отъезд уже был очевиден.

И Художественный театр рыхлится.

Что будет здесь еще? Прелесть, как всегда, дать наглядную оболочку, театр фанг, на который развертывается картина жизни.

Можно горячо и пронзительно похвалить его за «квинту» из домб горючаяго; необходимо назвать его настоящим большим художественным произведением.

Эта уже не декорация, а что-то живое, самостоятельное, живущее своею собственной жизнью и питающее в себя душу произведения.

Всякая вещь, всякая мелочь здесь обдумана и создана с таким вниманием, с такой тщательностью, что каждая ее деталь сбывается традицией для других театров. В меньшей степени слышу это у другой декорации — гостиничного номера. В те часы я имела что-либо возразить, а просто декорация эта осталась равнодушным. А, впрочем, есть что и возразить: рыной для маленькой, дневная замалоченная купюра под лэптевой вылетела крепко обранным складом перед пята завалов. Эти богатые завалы являются как будто четвертой, близшей к зрителям, стеною, словно другая душа зорко зрительна, та погр которой вымещается номер Хастакова, идет у стены, выключая задропированной материей. Получается ясное несоответствие.

Теперь эти постановки — к детскому пению лепкам.

Здесь Художественный театр до странности подалому подчинил себя руководящую Боллакскому. Лишь мой русский Боллакский камушка чрезвычайно шаржированным и мало одухотворенным. То же случилось и со сценой. Замыслив ее своими художественными подборками не выходил даже на чертешка, а выдало прекрасно сфальшивую куколку, которая вотому только воротит шею, что она у него металла, из ваги, поверит которой материя, а внутри, несомненно, прижизн. И главная Замыслива вымещает как-то так, как будто кудам, до такой степени что нога и посейчас замирать вопрос, какими средствами г. Адамшу сфальшив такие глаза. Скопство об движущейся куколке увещивалось в выхине оживленной фигурой, и голосом, очень искусственным, сфальшивым. Крош, сказавшего, этот образ еще еще

гораздо больше живности, простоватости, чисты плутовства и проститутки. Это уваль-жестоба. Мне вспоминается портрет из роли Земляника покойного Николая Урасифовича Рыбалова. Шикарный артистизмов, но сколько профдеомство!

Гораздо правдивее, ближе и кт. Боллакскому, и, главное, к Гоголю Ляндри-Тяпкини. Его страшный, слегка замкнутый жест был вымощен так же зритель, кто не помнит авторской ремарки: «Говорит басом, с продолговатой растакой, хрипов, и салом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют». Именно так и говорил Ляндри-Тяпкини Художественного театра.

Из г. Урасова выдети, но всея виртуозности, прекрасный исполнителю роли горючаяго. Может-быть, он играет лучшим горючаяго нашего времени; и вышность у него для этого как нельзя более подходящая, и твердость у него сонный, интеллигентный, и вымощат свои замыслы он умбует, члалда, так сказать, твердым руслов. Но сейчас это еще не готовый образ. Прежде всего в артист слышлов много недовольств. Вы-лов об-мать волея глядеть волею лице. Из-лов выдети на внутренней обложке вымощат всея слишком мягкой темперемат. Порою горючая г. Урасова терять свое члновичео дупу, и в нем превращается натура княжца из самодуров.

Остатки, фундаментальной законченности горючаяго не было. Замыслил ли вы, что этот горючая был действительно умны, порою они даже смущаются на сцене? А горючая, по-своему, очень умны, они философ и мудрец человеческого, вышлов недовольств.

Все это, однакоже, так же легко и неправдо, особенно молодости, и в слова повторю, что это будет превосходнейший горючая. На сцене Художественного театра он вымощат в хвалит, вымощат и без хвалит, и без муштра. Это придает распробравие, но у Гоголя совершенно определенно сказано, что горючая отит в муштра с петлями и в бетфортал с шпорами. И те, что горючая всад в форм, — психологическая черта: это такой служака, который вылет жана в смалый увидеть не в форм. Он раз навсегда сросся со своим муштрами.

Хастакова — г. Горель. На его лице уже вышло много похвалы и отъ не-халь обертывать по газет, и в отым-

вах «знатных театров». Я не могу присоединиться к этим похвалам. Г. Горель — действительно красивый и, вероятно, очень талантливый актер-артист, но ни в его вышности, ни в характере его дарования нет совершенно колического элемента. Вот он помыслит на сцену, грустный, задумчивый. Не те зоры Байрава, не те Аполлово Бельведерский. Его можно заставить сейчас читать какой-нибудь романтический, трагедийный монолог, а он замедит мужичья и зарывит мечты в женския и дачныския оорда.

А его заставляли произнести слова Хастакова, и он случает.

Скажут: но ведь Хастав в в стороне действия действительно неведом.

Вот тут мы дошли до того, что вымощать есть автор. Хастаков вымощат в волея, и вымощат; огромное большинство действительных лэпте комедии вовсе неведомы, стоять прямо из трагическое положение, но у Гоголя вымощатый пологоний гений, и все, в что вымощат сбить этого гения, вдруг становится изумительно конкретным. Везде само, волея пологоний, всякий момент — вертх княжца. Потому, не прочтени, посят того, как прескрипция сенталя, один оторон вымощат вась презрительные, другие — пологоний, побыл с третьими, вымощат всея силую тосян: «Кучко жить на этом сибити, но пока вы с пини, вы на на одну секунду не перелетите неведом завыла неведом-богатым истинному стлительного комизма.

Хастаков должен быть протст и естественны, не в алах протст и естественны должно быть достаточно тонкими, такого же органического и непосредственного, как у автора.

И вдруг — Хастаков-Байрова. Виртуоз, полная его, режиссеры пруду-мал для него массу равного рода «вапова». Едва вымощат на сцене, он вымощат ридеяться: сылз фанг, жалит, гасуток, салоти, раздалвал на ствн ногою клопа, сфальшив в-клубоку курбютею. Слушко. Кричат на Осена, и носе не для того, чтобы заставить Осена пойти в казенную гостиная, а для того, чтобы расмощат публику. А публики не сибиты, хотя они даме сфальшивать из-под крылати шибютею и впусивать из в Осена. Не сибится даже тогда, когда они расгуануться боюпко по комвнэ, даже тогда, когда артист, чтобы сибити народ, вымощат жертвует замыслов, становится

на кровати головой вниз и ботаясь по воздуху носками.

— Хоть весь акт на головѣ ходи,—
ко засадило.

А потому, что все это положенное, все шуржа, а шуржа и на одну ногу не освещено неперелетимым помятым. Припомните всколыхнутое колыбелью, въ жилах и на сценѣ, которые языкъ прихотливо встрѣчаетъ. Маняе все-го они феюкалчатъ. Говорятъ самымъ обыкновеннымъ тономъ самымъ обыкновеннымъ словомъ, а вы всколыхнетесь. Больше всего внутреннею, Боговъ дивнаго козыма Гоголя играть началъ. Пускай молодой Герезъ играетъ Рев-Блава.

Сцена объявляя была проведена боже того подвига который дѣлаетъ Хлестакова героическимъ отъ невинна, да только съ другой стороны. Видъ тутъ исторический, увеселителный, тутъ лучшей дѣвѣ въ жизни, тутъ горячая жѣра въ то, что отъ Хлестакова, дѣйствительно сію минуту сдѣлается фальшизмозомъ! А отъ былъ только пьянъ, очень натурально пьянъ, и вслѣдствіе старости превращаетъ объявляе.

Неметаморовавшими вышли геніальныи и дерзкие переходы отъ объясненій съ дочкой къ объясненію съ маленькимъ и снова съ дочкой. Той полной забубенности окуривающего услугою персонажа, при которой Хлестаковъ, изъясняясь между двумя женщинами, не знаетъ, съ которой начинать, не было, а только такое вѣтвистое адолюженное поведение и превращать лопушу при другѣхъ условіяхъ величину въ перья осадина.

Бѣш мои коньячники дамы. Г-жа Башкировъ—привсходъ на горничныхъ; въ двухъ колонкахъ изъ натур, которые по Гоголю, принадлежатъ: одна—романикъ и альбоматъ, другая—хлопотать въ какой-то дѣлѣ, вторя разрослась за счетъ первой, и зате трагикомы такіяи образомъ горничныхъ возмущена. Не выдумана больше прованской филозофии, бѣла нечуждый душа, глядящая черезъ эту филозофию. Собоудено большое чувство жѣры, при которомъ даже стома раскованный прѣкъ, какъ «шмыгальное» носомъ, применяется, не оскорбля.

Совѣтъ въ другомъ видѣ, но такъ же прекрасна по своему г-ла Коренья. Очень холода, хороша, газла дучествомъ, вѣрнее. Можетъ-быть, въ другой видѣ, при другѣхъ условіяхъ вышло бы что-нибудь хорошее, даже сѣбло, но теперь волъ душа ушла въ чувствительность, въ парадъ, въ то, что дѣлаетъ изъ человека санту. Боже мой! Какъ онъ, начиная въ алатой, хотеть любить! Какъ онъ изъясняется

видеть этииъ чувствомъ, какъ она пласть, сѣблываетъ невестой!..

Не будемъ распространяться о другихъ образахъ. Корунто: хороши очень Собочевскій и Добчинскій. Что нехотеть быть глубже, трогательнее и блаженнее филозофии Добчинского въ номерѣ Хлестакова?

Очень хороши тѣиъ умный и вѣрный докторъ, хорошие икотомъ другіе гриммы, хотя вообще гримомъ злоупотребляется такъ, что подчасъ въ биволѣхъ хотъ не смотри.

Но это частности. Перейдемъ къ своему характеру общаго.

Что же такъ много въ сюжетѣ толкованій художественности?

Прежде всего—другое настроение. Въ этихъ трактовахъ гораздо больше драмы, чѣмъ мы видѣли это до сихъ поръ. Мы не стали смотреть съ точки зрѣнія автора, сколько съ точки зрѣнія самихъ дѣйствующихъ лицъ. Писатель о прѣдѣлѣ про-ора, которыхъ вычисляетъ себя, провондиръ самую возмущающую паннику, которая до извѣстной степени передается артистамъ.

— Хорошо языкъ ситаться,—своио говорить Художественный театръ,—а вы попробуйте-на походить въ ихъ шкуркахъ.

Это даятъ новый колоритъ, и можно спорить, насколько это по Гоголю.

Точно такъ же и Хлестаковъ второго акта трагетуетъ словцо съ точки зрѣнія самого Хлестакова: посмотрите, видѣли ому, дѣйствительно, жѣтъ хочется, а когда человѣку хочется жѣтъ, это—драма.

Не раянъ съ этииъ ниволга, вѣртно, по слѣдъ «Ревизоръ» не выназали такіяи парокриванными, какъ жѣтъ.

И, къ сожалѣнію, коньякъ этииъ въ большинствѣ дучеиъ часто вышкнн.

«Ора отъ уза» и «Бурисъ Годуновъ» выназали одиѣхъ крупннй. Въ вѣдствѣ къ Художественнаго театра: отъ мѣла чувствуютъ и мѣла передаютъ красоту художественнаго слова. Впрочемъ, это было уже видно и въ «Царѣ Бодурѣ». Гитъ языкъ, его слѣдъ въ этомъ театрѣ понимаютъ гораздо меньше, чѣмъ стали звать, вышкнн предметъ. Поэтому на вторѣй планъ отступила красота приободовкаго стиха, поэтому же главный вышкнн «Ревизора» оосредоточился не на точкѣ конекціи, а въ несладности жестокъ, ипотопшн, подчасъ очень остроумныи, вычлзъ искусственности мнѣ ея жѣтѣ. Пѣса получалась очень веселая, публики много ходило, но верою дѣлалось нѣсколько обидно за Гоголя.

Еще одна особенность: Художественный театръ вѣобикновенно строго провадъ демаркационную черту, между сло-

вой и артистическнмъ закономъ,—никогда ни одного слова, ни одного взгляда «въ публику». А въ «Ревизорѣ» вышкнн анализителъ: «Чему вышкнн? Надъ собой смѣюсъ!» Правда, Гоголь въ «Ревизорѣ» говоритъ, что брѣсать эти слова публикѣ у него не было намѣренія, но тутъ же прибавляетъ, что «это само собой вышло, и «не» позволяетъ мнѣ съ вѣей стороны дѣлать запросъ: ну, что, если бы у сошкннеля была пѣла показатъ артиста, что онъ шагъ собой ситается?»

Нѣтъ этой фразы видно, что только «благодѣятельность» не позволяла Гоголю прямо сказать, что имени артиста брѣсать отъ эту фразу, общн туиу горячнмъ и злостнмъ. Видѣ дальше, нѣсколькои странички дальше. Гоголь устанъ первого актера уже прямо приглашаетъ насъ принять все это именно на свой счетъ. И приглашаетъ насъ отвѣтнть:

— Да, надѣ собой ситеняе, потому что слышнны благодарную русскую нашу породу, потому что слышнны призывае вышкнн быть лучшнми другѣхъ!

Вотъ для чего стоять она у Гоголя, эта фраза.

Когда болела до нечеловѣка, я узнаю болела что горничнй Художественнаго театра брѣсать въ холочудѣи группѣ обитательнѣхъ ублюдкаго героека и не послѣдуетъ объявляющаго удара бича, который жѣтъ молнѣи проназываетъ артистическнмъ жѣтъ.

Удара не послѣдовало, но и слѣдѣ обращенія къ дамамъ героека тоже не рѣшился, и горничнй брѣсать эту фразу... впередъ, въ небеса. И небеса востину вышкнн, только не жѣтъ собою, а видѣ правдивѣиостнмъ жѣтѣ, бншнкъ растался въ домѣи при казая бы то на было ободовно-оства.

Этотъ возгласъ впередъ такъ же фальшнн, какъ обращеніе Пошкелова съ прокатннми героекаиу въ какой-то вѣшкннѣ на стнѣи раянъ—не то портрету, не то образу.

Итѣгъ? Пользоте боѣи ктога. Очень ужѣ дѣйствено рожденное этой постановкой чувство. Видѣ сѣстнн много, очень много и интересное, и яркото, и дерзкото.

Пускай будетъ боѣи ктога.
СЕРГѢЙ ЯВЛОНОВСКІЙ.